

С верой в человека

МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ

Шесть спектаклей, что привез в Москву Рижский театр русской драмы, дают яркое представление об уровне сце-

нического искусства этого коллектива, его идейно-творческой позиции, эстетических пристрастиях. Все, что хочет

сказать театр той или иной своей постановкой, раскрывается через систему сценических образов.

...В финале спектакля «Мельница счастья» к старенькому пианино тихо подходит деревенский мальчик и пальцем выстукивает мелодию песни о конармейце, которой научил его Степан Бобыль — бывший буденновец, страстный борец за прекрасное будущее народа, погибший от рук врагов Советской власти. В этой сценической метафоре легко прочитывается мысль о том, что молодое поколение подхватывает эстафету первых строителей нового мира, их дерзновенные мечты.

Главный режиссер театра А. Кац решил героическую комедию В. Мережко «Мельница счастья» как притчу о народной мечте. Бобыль стрит мельницу, что должна работать вечно, без «ветра, воды и бензина». Идея создания этой мельницы, идея создания прекрасного будущего овладевает массами, заражает, сплачивает их. Особенно захвачен величием момента бывший кавалерист, ныне председатель местного комбеда, которого Г. Дрозд играет страстно, активно.

Эта динамичная, красочная постановка подвижна в жарком отношении. Скупое, но выразительно раскрываются характеры персонажей, взаимоотношения между ними. Так, В. Петров и О. Разумовская психологически тонко рисуют зарождающуюся любовь Степана и молодой солдатской вдовы Насти. Смехом встречают зрители комическую поначалу фигуру середняка Грабча, стремящегося «быть своим» и в комбеде, и в доме впамяна Вырина. Но постепенно в исполнении Б. Ахавова образ приобретает черты

жалкие и зловещие одновременно.

Эмоционально открытый, полный драматизма и юмора спектакль воспекает красоту созидательной мечты, способность человека всего себя подчинить общему делу.

К сожалению, не достигла подобной полноты звучания работа театра о наших днях — «Не был... не состоялся... не участвовал...» Ю. Макарова. Пьеса, поднимающая ряд серьезных проблем современного производства, взаимоотношений рабочих поколений, получила фрагментарной, различные тематические линии ее порой слабо мотивированы, не завершены. Спектакль, решенный С. Лосевым в духе документального репортажа, оставляет зрителя спокойным. Пожалуй, лишь А. Михайлов создает интересный, психологически убедительный образ директора завода.

В труппе театра вообще много хороших актеров, в работе которых чувствуется серьезная профессиональная подготовка. Обращает на себя внимание высокая культура спектаклей, их объемное, полифоническое звучание.

На гастролях была показана трагическая «История лошади» по рассказу Л. Толстого «Холстомер» (пьеса и постановка М. Розовского). В главной роли с большим темпераментом выступил М. Лебедев; молодые актеры в так называемых ролях хора играли с полной отдачей, демонстрируя музыкальность и пластичность. Хотя, на мой взгляд, спектаклю в целом мешает натуралистичность некоторых сцен.

В мягких, почти акварельных тонах решена режиссером

А. Казанцевым «Земляничная поляна» по известному сценарию И. Бергмана (руководитель постановки А. Кац). Сложный процесс преодоления человеком своего духовного одиночества раскрывается в спектакле в двух планах — через прямую исповедь героя и через его воспоминания о прошлом. Образ престарелого профессора медицины Борга одухотворенно создает артист Латвийского художественного театра имени Я. Райниса Ю. Стренга.

Рижские актеры свободно чувствуют себя в драматических произведениях самых различных жанров — от трагедии до мюзикла. Когда смотришь, например, спектакль по классической комедии Р. Блаумана «Дни портовых в Силмачах», испытываешь прежде всего радость — от знакомства со своеобразной, но такой по-человечески понятной жизнью старой латышской деревни, от художественной изобретательности и завершенности постановки, от мастерства, с которым играют актеры.

Театр в здесь остается верен принципу психологического раскрытия характеров. Мы угадываем за властностью самодовольной хозяйки усадьбы Антонии (Н. Незнамова) женскую неустроенность, жажду личного счастья. Нам смешны нелепые злоключения сельского торговца мануфактурой Абрама Вульфсона (А. Кричевский), но нас покоряют в его характере юмор, сердечность, любовь к сыну. Почти все персонажи, населяющие этот многолюдный спектакль, раскрываются с разных сторон. У каждого могут оказаться свои странности, причуды, заботы, но всех в конечном итоге объ-

единяют доброта, радостное ощущение бытия. Легкие декорации, напоминающие увеличенные в размерах национальные сувениры из дерева и соломы (оформление Т. Швец), придают месту действия светлый, солнечный колорит.

Внимание к человеку, стремление познать истоки его силы и слабости, раскрыть в житейском, подчас привычном чертах духовной красоты, нравственного достоинства, жизненной стойкости — все это в полной мере присуще сегодняшнему искусству Рижского театра русской драмы.

В гоголевском «Ревизоре» режиссер увидел не только сатиру, но и горькую драму людей униженных — социальными условиями, обстоятельствами быта, собственной дуростью, страхом. В спектакле живет то чувство боли за человека, которое всегда было свойственно русскому искусству, как бы сурово оно ни обличало пороки общества. Быть может, он порой излишне метафоричен в образном решении, но исторический анализ последователен и точен.

В спектакль почти буффонной комедийности и яркости постепенно входит мотив драматической судьбы человека в бесчеловечном обществе. Сходит с ума прелестная провинциалка Марья Автовова (Т. Поппе), сломило горе взыбаломшную Анну Андреевну (Р. Праудина), да и вокруг них мало кто не чувствует себя униженным, раздавленным, жалким. Почти все исполнители раскрывают вполне реальные черты своих персонажей, их судьбы и характеры. Даже Мишка (А. Полищук), бессловесный слуга Городничего

(Е. Иванов), замечен, имеет, что называется, свое лицо.

Но в центре всего находится Хлестаков, которого превосходно играет А. Ильин. Преображение Ивана Александровича из ничтожества в «значительное» лицо происходит с поразительной легкостью. Кажется, он воспринимает происходящее как продолжение своих мечтаний и снов, в которых существует так уверенно и свободно. Сцену вранья А. Ильин проводит виртуозно — его Хлестаков как бы управляет движением событий, он преображает окружающее, «подтягивая» его до собственного представления о светской жизни.

С течением энергичного действия этого спектакля высвечивается, что, может быть, даже до сознания Хлестакова доходит весь ужас его жизни, с которой его столкнула судьба. Сначала он становится резким, злым, агрессивным, будто проверяя на себе и других, до какой же степени падения может пойти человек. Потом его охватывает печаль. Долго, с затененной надеждой будет всматриваться он в деревенскую игрушку — легкий возок с впряженной тройкой лошадей.

И когда в знаменитой немой сцене вдруг снова возникает образ тройки, замелькают верстовые столбы, забывает бубенцы, зазвучит «музыка дороги», невольно подумается об огромном мире, что существовал ведь и помимо закопавшегося уездного городка. И еще о том, что жизни всегда необходимо движение.

Русский театр из Риги пытается на сцене осмыслить суть происходящего с отдельным человеком в контексте времени. Его спектакли всегда идут от частного к общему, от единичной судьбы к судьбе всех, провизаны верой в силы человека, в его право на лучшее будущее.

Г. ДУБАСОВ.